

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия
ПОЛИТИКА

Норман ЭНДЖЕЛЛ

ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Очерк о мнимых выгодах
военной мощи наций

Ральф Норман Энджелл
Великое заблуждение.
Очерк о мнимых выгодах
военной мощи наций
Серия «Библиотека ГВЛ: Политика»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887939

Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций:
ISBN 978-5-91603-649-7

Аннотация

Ральф Норман Энджелл (1873–1967) – английский публицист и пацифист, Лауреат нобелевской премии мира 1933 г. В 1909 г. опубликовал небольшую книжку «Europe's Optical Illusion», в которой исследовал экономические корни войны. На лорда Эшера (Реджинальда Бретта), влиятельного государственного деятеля и историка, книга произвела такое впечатление, что он разослал 200 экземпляров своим знакомым в Европе. В 1910 г. Энджелл переписал и расширил книжку, сменив название на «Great Illusion». За короткий срок книга разошлась двухмиллионным тиражом и была переведена на 25 языков. Она заложила основы теории, получившей название «норман-энджеллизм». Согласно этой теории, изложенной во введении к книге, «военная и

политическая власть не приносят нации никакой коммерческой выгоды, экономически невозможно одной нации покорить или уничтожить богатство другой, или одной нации нажиться за счет подчинения себе другой». Другими словами, в условиях экономической взаимозависимости война, обогащая агрессора, угрожает как победителям, так и побежденным. Она ведет к разрешению международной торговли кредита. А выплата послевоенных репараций проигравшей стороной лишь сеет семена будущих конфликтов.

Содержание

Предисловие	8
Выдержки из отзывов печати	10
Норман Энджелл[1]	12
Норман Энджелл	19
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Норман Энджелл
Великое заблуждение
Очерк о мнимых выгодах
военной мощи наций

Norman AngelL

THE GREAT ILLUSION

A STUDY OF THE RELATION OF MILITARY POWER
TO NATIONAL ADVANTAGE

Библиотека ГВЛ – совместный проект издательства «Социум» и Фонда либеральных программ «Свободный Мир»
Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© ООО Издательство «Социум», оформление, 2009

* * *

Серия «Библиотека ГВЛ» основана в 2005 г. в память об

ученом, политике, предпринимателе **Геннадии Викторовиче**
Лебедеве (1957–2004)

Предисловие

Предлагаемая нами книга Нормана Энджелла уже совершила кругосветное путешествие. Она переведена на языки всех культурных народов, и Россия является последним этапом на ее пути. Правда, эта книга трактует лишь о частном вопросе, именно о возможности и условиях войны между Англией и Германией. Но она обязана огромным успехом, который отмечен печатью всего мира, тому, что в этой частной форме она с необычайной конкретностью разрешает общий вопрос, один из наиболее значительных в жизни всех современных культурных государств, – вопрос о том, должно ли человечество продолжать нести непосильное бремя военных расходов, тратить силы и человеческие жизни в жертву устаревшим предрассудкам и отжившим понятиям. Для нашей страны, военный бюджет которой превышает ее расходы на культурные необходимости и просвещение, в значительно большей степени, чем где бы то ни было во всем мире, эта книга приобретает особенно горячий и насущный интерес. Скажем больше: она должна стать настольной книгой всех тех, кому приходится критически оценивать разнообразные факторы современной культуры, неразрывно связанные с этим важнейшим вопросом современной политики. На примере англо-германских отношений читатель сможет выяснить себе связь и зависимость целого ряда явлений, ко-

торые, в равной мере, свойственны культурной жизни всего мира. Вместе с тем она найдет в этой книге совершенно новые аргументы, до сих пор не использованные сторонниками мира. Пропаганда мира до сих пор базировалась на идеях морального порядка. Норман Энджелл, отдавая должное этическим мотивам, переводит вопрос на бесспорную почву экономической науки и блестяще доказывает, что война есть не только зло в нравственном смысле этого слова, но является злом и в экономическом смысле, не принося победителю ничего, кроме ущерба.

В наши дни, когда великие державы увлечены лихорадочным соревнованием в создании дорогостоящих орудий уничтожения и смерти, поглощающих народные богатства, книга Нормана Энджелла является голосом благоразумия. И тот успех, который выпал на долю этой книги во всех странах света, показывает, что голос этот – не «глас вопиющего в пустыни».

Пожелаем же, чтобы и в России эта книга встретила тот прием, которого она вполне заслуживает.

Выдержки из отзывов печати

Ни одно произведение политической мысли последнего времени не вызвало такого волнения в политических кругах. Призыв к благоразумию в международных отношениях, выраженный с простотой, ясностью и убедительностью, каких не достигал ни один из публицистов, заставляет нас считать автора величайшим памфлетистом со времени Свифта.

«Nation»

Главный тезис неоспорим и поведет к революции в области дипломатии и политики.

«Эдинбургское обозрение»

Книга господина Энджела изменит отношение всех частных людей к вопросу о войне.

«Daily Mail»

Критика не сумела найти ни одного серьезного возражения, так как книга господина Энджела написана убедительно и логично.

«Daily News»

Эта книга постепенно повлияет на политические воззрения Европы... Автор оказал громадную услугу человечеству и культуре.

«New Age»

Новая идея внезапно возникла в умах человечества.
«*Daily Chronicle*»

Норман Энджелл¹

26 декабря 1873 г. – 7 октября 1967 г.
Нобелевская премия мира, 1933 г.

Ральф Норман Энджелл, английский публицист и пацифист, родился в Холбиче (Линкольншир), он был седьмым ребенком в семье преуспевающего землевладельца Томаса Энджелл-Лэйна и Мэри Энн Бриттен. Впоследствии Энджелл изменил фамилию, опустив ее вторую часть. Пройдя подготовительное обучение в Англии, Энджелл затем был отправлен в лицей св. Омера в Северной Франции. Здесь в двенадцатилетнем возрасте он впервые познакомился с эссе Джона Стюарта Милля «О свободе», красноречие которого произвело на Энджелла сильное впечатление.

Сделав выбор в пользу радикальных идей, Энджелл в возрасте 15 лет уехал в Женеву, в многонациональной среде которой нашли приют революционеры и политэмигранты. Здесь он редактировал англоязычную газету, выходившую дважды в месяц, и посещал лекции в Женевском университете. В 1891 г. Энджелл покидает Швейцарию, не получив

¹ Печатается по изд.: Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.

степени. Прожив некоторое время в Англии, он получил от отца в подарок 50 фунтов стерлингов и уехал в США.

В течение семи лет Энджелл испробовал различные занятия: был ковбоем, землекопом, старателем, почтальоном. В Калифорнии он пытался получить земельный участок, но неудачно. После этого Энджелл вплотную занялся журналистикой, работая по заказу «Сен-Луи глоб демократ», «Сан-Франциско кроникл» и других.

В 1898 г. Энджелл женился на Беатрис Кювелье из Нового Орлеана. Личная жизнь его окутана тайной, однако есть основания считать, что жена его была довольно легкомысленной женщиной. Энджелл разошелся с ней в 1914 г., но продолжал оказывать ей материальную поддержку до самой ее смерти в 1955 г. Детей у них не было.

В 1898 г. Энджелл ненадолго вернулся в Англию, чтобы уладить семейные дела. После этого он отправился в Париж, где зарабатывал на жизнь репортажами о деле Дрейфуса. В следующем году Энджелл стал редактором парижской англоязычной газеты «Дейли мессенджер». Его заметки об испано-американской войне, деле Дрейфуса и англо-бурской войне подтолкнули к написанию первой книги «Патриотизм под тремя флагами: в защиту рационализма в политике» («Patriotism Under Three Flags: A Plea for Rationalism in Politics», 1903). Год спустя он принимает предложение английского газетного магната лорда Нортклиффа (Альфреда Хармсворта) редактировать парижское издание «Дейли

мейл». Эта должность значительно расширила кругозор Энджелла в международных делах.

В 1909 г. Энджелл издал за свой счет небольшую книгу «Европейская оптическая иллюзия» («Europe's Optical Illusion»), в которой исследовал экономические корни войны. На лорда Эшера (Реджинальда Бретта), влиятельного государственного деятеля и историка, книга произвела такое впечатление, что он разослал 200 экземпляров своим знакомым в Европе. Следующее издание под названием «Великая иллюзия» («The Great Illusion») разошлось двухмиллионным тиражом; книгу перевели на 25 языков. Именно тогда Энджелл стал пользоваться укороченной фамилией. В «Великой иллюзии» автор продемонстрировал, что экономическое процветание в результате войны – не что иное, как мираж. В эпоху экономической взаимозависимости нельзя ожидать выгод от войны: обогащая агрессора, она угрожает и победителям, и побежденным разрушением международной торговли и кредита. Более того, отметил Энджелл, репарационные платежи лишь сеют семена будущих конфликтов.

Энджелл покинул «Дейли мейл» в 1912 г., но и впоследствии он неоднократно выступал на ее страницах, несмотря на идеологические расхождения с консервативным Нортклиффом. В следующем году несколько друзей Энджелла для пропаганды его взглядов основали периодическое издание «Война и мир». Довольно часто он писал и для американских журналов, особенно для «Новой республики».

Когда в августе 1914 г. разразилась мировая война, Энджелл совместно с Р. Макдональдом, Ч. Тревельяном и другими организовал Союз демократического контроля, который должен был осуществлять общественный контроль за внешней политикой правительства. Во время войны Энджелл высказал идею о постоянном сообществе наций для защиты международного мира и безопасности. Идея эта не раз звучала в его лекциях и оказала воздействие на президента Вудро Вильсона и его проект Лиги наций.

Энджелл присутствовал на Парижской мирной конференции 1919 г. и был сильно разочарован условиями Версальского договора, которые расходились с надеждами, высказанными в «Великой иллюзии». Он стал вице-председателем комитета, добивавшегося от союзных государств более справедливых условий мира. Энджелл основал также движение «Против голода», которое занималась поставкой продуктов, медикаментов и одежды для детей Центральной Европы, испытывавшей чудовищные лишения в послевоенные годы. В своих статьях и книгах Энджелл продолжал анализ современного положения в мире. В «Плодах победы» («The Fruits of Victory», 1921) он отметил, что опасения «Великой иллюзии» оказались обоснованными. В «Невидимых убийцах» («The Unseen Assassins», 1933) Энджелл продемонстрировал пагубный эффект империализма, национализма и патриотизма. Он изобрел также настольную игру, наглядно излагавшую принципы экономики и кредита.

В 1920 г. Энджелл впервые выставил свою кандидатуру в парламент от лейбористской партии в Ноттингемшире. Лишь четвертая попытка в 1929 г. принесла ему место в палате общин от округа Северный Брэдфорд, но уже в 1931 г. он покинул парламент, убежденный, что может принести больше пользы как писатель и оратор. Тогда же Энджелл был посвящен в рыцари, что стало знаком признания его общественной деятельности.

В 1934 г. Энджелл получил Нобелевскую премию мира 1933 г., не присуждавшуюся из-за отсутствия кандидата. Представляя награжденного, Кристиан Ланге охарактеризовал Энджелла как «одного из тех... кто прокладывает дорогу реформам, которые затем будут воплощены государственными деятелями». Ланге подчеркнул, что «немногим удалось сделать столь много для того, чтобы рассеять туман, застилающий нам путь, как это сделал сэр Норман». Британский посол в Норвегии Сесил Дормер принял премию от имени Энджелла, в то время болевшего. В Нобелевской лекции Энджелл коснулся причин войны: изоляционизма, пропаганды, страха, безволия народа. «Угроза миру коренится... не в природе, – заключил он. – Угроза та скрывается в умах и сердцах людей».

Будучи противником войны, Энджелл не считал себя пацифистом. Вооруженные силы остаются реальностью, говорил он, «реальная задача состоит в том, чтобы организовать их и занять». Он верил, что система коллективной без-

опасности, открытая для всех стран, в том числе и фашистской Германии, поможет предотвратить войну. Он оспаривал точку зрения британских социалистов о том, что с войнами можно покончить, лишь уничтожив частную собственность.

Когда Италия в 1935 г. вторглась в Эфиопию, Энджелл резко критиковал нейтральную позицию британского правительства. Позже он начал бескомпромиссную борьбу с политикой умиротворения Гитлера, которую проводил премьер-министр Невилл Чемберлен. По мнению Энджелла, она как бы говорила агрессору: «Убивай часто, но быстро – выйдешь сухим из воды». Предвидя, что «Европа полностью перейдет под контроль Гитлера», он требовал от правительства открыть двери для беженцев-евреев и сам приютил одну из семей в своем доме на Норти-Айленд у берегов Эссекса.

Когда Великобритания объявила войну Германии в сентябре 1939 г., Энджелл предложил свои услуги министерству информации, которое направило его в США, чтобы добиться поддержки британских военных усилий. В Нью-Йорке он оставался до 1951 г., читал лекции, вел переговоры с американскими политическими деятелями, много писал.

После войны Энджелл пропагандировал постепенное движение к мировому правительству через Организацию Объединенных Наций, хотя и считал ее менее эффективной по сравнению с Лигой наций. Сильно разочаровали его Корейская война и нездоровая обстановка в США времен ан-

тикоммунистического крестового похода сенатора Джозефа Маккарти.

Вернувшись в Англию, Энджелл обосновался в Ферн-Хилле (Саррэй). Здесь он продолжал трудиться над книгами и статьями, в которых проступала озабоченность антиколониализмом и растущим влиянием народов «третьего мира», чей сепаратизм и склонность к насилию угрожали международному сотрудничеству, столь много значившему для Энджелла. Все чаще он критиковал Израиль за такие акты терроризма, как убийство графа Бернадотта – посредника ООН в палестинском конфликте. Стремясь помочь палестинским беженцам, Энджелл обращался к арабским группам в США, но безуспешно.

Здоровье его все ухудшалось, и Энджелл стал реже выступать с лекциями. В 1958 г. при падении он повредил ногу, а два года спустя попал в больницу с переломом бедра, но нашел в себе силы выступить в Чикагском университете на конференции по снижению международной напряженности. В 1961 г. была достигнута договоренность о передаче архива Энджелл в педагогический колледж Болл-Стейт (ныне университет) в Манси (штат Индиана). Последнюю поездку в США Энджелл совершил в 1966 г., когда передал архив официально и принял почетную юридическую степень.

Энджелл скончался в частной клинике Кройдона (Саррэй) 7 октября 1967 г.

Норман Энджелл

Рассказ о брошюре²

Эту главу я назвал рассказом о брошюре, потому что книга значительного объема, о которой идет речь, начиналась как небольшая монография, повествующая о частном политическом кризисе своего времени: о том, как Западный мир дрейфовал к войне. По мере выхода расширенных изданий брошюра мало-помалу выросла в подробное обсуждение проблемы войны в целом, ее экономических, политических и психологических причин.

В некотором смысле это типичная история литературного успеха – история книги, поначалу с некоторым высокомерием отвергаемой издателями, которым она была представлена, и затем становящейся бестселлером. Ее отклоняли в основном из-за того, что в ней обсуждается тема – «мир» – по крайней мере на тот момент наскучившая публике и вызывавшая раздражение, а посему издатели считали, что книга на подобную тему не будет пользоваться спросом. Этот вердикт побудил автора за свой счет издать сокращенную версию рукописи в форме брошюры. Некоторое время профес-

² Глава из автобиографии Нормана Энджелла, опубликованной в 1951 г. (After all. The Autobiography of Norman Angell. London: Hamish Hamilton, 1951.) Пер. с англ. Т. Даниловой.

сиональные рецензенты, которым она была разослана, полностью ее игнорировали – факт, который, казалось бы, подтверждал мнение издателей. И все же эта книга, поначалу отвергнутая и издателями, и рецензентами, за относительно короткий срок в конце концов была переведена более чем на двадцать языков и выдержала множество изданий, причем продажи исчислялись миллионами экземпляров. Она вызвала всемирную дискуссию о проблемах, которые все еще стоят перед нами; она положила начало «движению», которое быстро распространилось в нескольких странах и привело к учреждению организаций и фондов, созданных для того, чтобы вынести тему книги на публику.

По этим меркам книга имела необычайный успех.

Но если успех измерять степенью достижения главной цели книги, то есть изменением текущего состояния политической мысли, имея в виду сдержать сползание к войне, то ее следует признать провальной. Из двух мировых войн, случившихся после ее издания, по крайней мере вторая является результатом всеобщего безразличия к истинам, которые я попытался сформулировать. Урок, который следует извлечь нынешнему поколению, состоит именно в этом отсутствии всякого видимого влияния брошюры на ход событий, а вовсе не в ее успехе как издательского предприятия. Если народы мира равнодушны к причинам, породившим на протяжении жизни нашего поколения две мировые войны, либо не способны их постичь, они почти наверняка придут к третьей.

Игнорировать опыт означает рисковать повторить его.

Верно, что описанные здесь неудачи ничуть не больше неудач, постигших в это же время государственных деятелей и дипломатов Запада. Они видели приближение войн и, вероятно, делали все, что в их силах, чтобы их предотвратить, но потерпели неудачу. Вильсон, при всей своей огромной власти как главы самого могущественного государства мира того времени – личной власти, превосходившей личную власть любого из его современников, – потерпел полное поражение от своего собственного народа в попытке положить начало внешней политике, которая должна была внести вклад в предотвращение Второй мировой войны. Черчилль в межвоенные годы так и не смог воспользоваться своим влиянием и ораторским красноречием для того, чтобы убедить свою страну следовать внешней политике, которая, возможно, предотвратила бы то, что сам он назвал «ненужной войной». Франклин Рузвельт, за которым стояла мощь Соединенных Штатов Америки, не смог сделать эту мощь средством сдерживания экспансии русских сталинистов, которая все еще может погрузить мир в третью войну.

Более того, усилиям государственных деятелей в межвоенные годы оказывали поддержку частные, но оперировавшие во всемирном масштабе пропагандистские организации вроде британского Союза Лиги наций, фонда Карнеги и подобных организаций в США. Все эти усилия, как частные, так и правительственные, потерпели полный провал. Вто-

рая мировая война произошла, и мир стоит на пороге третьей, уже принявшей форму холодной войны, и отвлекающей огромные ресурсы всего света от мирных нужд к военным приготовлениям.

Черчилль прав, настаивая на том, что Вторая мировая война не была неизбежной. Она все-таки произошла из-за временного лага идей, присущего всем нациям, однако наиболее поразительным образом проявившегося в Америке. Вернемся к уже приведенному примеру: если бы в 1920 г. американское общественное мнение было готово принять степень интернационализма, до которого оно сумело подняться в 1945 г. (и в еще более радикальной форме в 1950 г.), то, не рискуя ошибиться, можно утверждать, что Второй мировой войны не случилось бы. Это верно, даже если расценивать новую политику как неудачную: в 1920 г. ситуация была менее сложной. В 1950 г. принцип предоставления экономической и военной поддержки, чтобы помочь Западной Европе защитить себя, в целом разделяется американским народом. В 1920 г. Вильсон не смог гарантировать обещания защитить Францию от нового нападения Германии, а вместо плана Маршалла Америка приняла закон Джонсона³ и закон о нейтралитете; Британия годами проводила политику умиротворения – свою разновидность нейтралитета и изоляционизма.

³ Закон Джонсона – Рида предусматривал систему квот на иммиграцию в Америку из каждой отдельной страны. – *Прим. перев.*

Просвещение народа в сфере основ мира очевидным образом потерпело провал. Отчего? Факты, о которых говорится в этой и в следующей главах, помогут найти частичный ответ на этот вопрос.

То, чего не смогли сделать пропаганда и агитация в сфере международной политики, даже при том, что в межвоенный период ими занимались множество выдающихся писателей и сотня организаций, наконец-то постепенно начинает воплощаться в настоящий момент: после пережитых ужасов Второй мировой войны и ввиду очевидной опасности, перед лицом которой оказался Запад.

Нередко в качестве довода против любого обсуждения проблем войны ссылаются на следующий феномен: «Люди устроены так, что убедить их способны лишь опыт, факты, события; голая аргументация оставляет их равнодушными. Какой прок от разговоров?» Этот вывод, при всей его внешней «реалистичности» и при том что он якобы «смотрит в лицо человеческой природе», к фактам человеческой природы не имеет ни малейшего отношения, поскольку обсуждение человеческих проблем и формулирование соответствующих теорий является неотъемлемой частью человеческой природы. Свидетельством тому является утренняя газета. Вопрос не в том, должны ли мы обсуждать государственную политику, – мы занимаемся этим беспрестанно, на повышенных тонах, до хрипоты и со страстью. Вопрос в том, должны ли мы продолжать обсуждение, принимая во внимание фак-

ты и доказательства, с чувством ответственности за истину и стремясь к ясности суждений, либо полностью игнорируя все это ради потворства атавистическим эмоциям.

Конечно, за прошедшие сорок лет бывали моменты, когда автор этих строк был готов согласиться с глупым и циническим «Что толку?» и когда он был склонен повторять слова, якобы сказанные Клемансо на смертном одре: «Les imbeciles ont raison» («Дураки правы»). Работая над «Великой иллюзией», я не раз чувствовал себя дураком из-за того, что полагал, будто усилиями разума можно сдержать поток человеческой тупости. Но, прекратив писать книгу, я обнаружил, что вяло и равнодушно стоять в стороне, когда чудовищное безумие заявляет свои права, куда менее приятно, чем подчиниться порыву и что-нибудь сказать, что-нибудь сделать.

Так что я продолжил работу. Когда рукопись была готова, я стал предлагать ее издателям, одному за другим. Все, к кому бы я ни обращался, шарахались в сторону. Один или два раза, находясь в Лондоне, я звонил издателю, получившему рукопись, и обсуждал ее с ним. Беседа выглядела примерно так.

Издатель: Это книга о мире, не так ли?

Н. Э.: В определенном смысле – да.

Издатель: Как я понимаю, вы журналист, глава парижского отделения «Мейл»?

Н. Э.: Да.

Издатель: Тогда кому как не вам знать, что публика не станет читать книги о «мире» и заставить ее невозможно.

Н. Э.: Но эта книга о мире весьма необычна.

Издатель: Необычна – чем?

Н. Э.: Ну, для начала, я не выступаю против вооружений, особенно против военно-морского флота, и я не считаю, что дорога к миру ведет через простое сокращение вооружений.

Издатель: Так о чем же эта книга? В чем ее цель?

Н. Э.: В том, чтобы подготовить почву для взаимопонимания с Германией: попробовать узнать, какие мотивы подталкивают ее к агрессии, чего она хочет, к чему стремится; в том, чтобы разобраться в нас самих: чего хотим и к чему стремимся мы сами, и понять, нельзя ли примирить наши точки зрения. Сейчас обеими сторонами движут идеи неприемлемого конфликта интересов, которые даже их обсуждение делают бесполезным, если не невозможным в принципе.

Издатель: Но то, чего хотим мы, следует оставить в покое и не подвергать нападкам. С Германией на эту тему не очень-то поспоришь: единственный действенный довод – быть настолько сильными, чтобы она не напала на нас.

Н. Э.: Но немцы говорят в точности то же самое. Они полагают, что Россия в один прекрасный день нападет на них, а Австрия боится, что в нее вторгнется Франция, союзник России, и что мы поддержим Францию; и для предотвращения всего этого они должны наращивать свои вооруженные силы.

Издатель: Конечно, я не могу глубоко вдаваться в сказанное вами, но ваши идеи производят на меня впечатление, если позволите так выразиться, глубоко умозрительных, теоретических, неприменимых на практике – и опасных. Война надвигается, и встретить ее необходимо в полной боеготовности, а единственное воздействие книг, подобных вашей, – если это воздействие вообще имеет место – состоит в ослаблении нашего желания быть готовыми к войне и смотреть в лицо фактам. Войны были и будут всегда. Они свойственны человеческой природе, а человеческую природу изменить невозможно. Извините, но мы не можем издать книгу такого рода, особенно теперь. Возможно, за это могло бы взяться одно из квакерских издательств.

Так говорили наиболее толерантные представители издательского мира. Один или двое моих ближайших друзей (особенно из Кармелит-Хауса), с кем я обсуждал книгу, были даже более резки: «Сторонитесь всего этого, либо вас будут считать чужаком или сумасбродом, наподобие тех приверженцев высшей мудрости, что разгуливают в сандалиях, носят длинные бороды и питаются орехами».

* * *

Нынешнему поколению непросто уловить весь дух этого совета и осознать, насколько серьезно он был обоснован. Защитник мира действительно рисковал вызвать к себе подоб-

ное отношение, и издатели, увы, в значительной степени разделяли господствующие настроения.

В конце концов я решил больше не искать издателей, а опубликовать книгу – в сокращенном виде – за свой счет, и издал ее через книготорговую фирму «Симпкин Маршалл». Сократив содержание книги до двадцати восьми тысяч слов, я назвал ее «Европейская оптическая иллюзия» и подписал псевдонимом «Норман Энджелл» (как уже упоминалось, мое имя, данное при крещении, Ральф Норманн Энджелл Лейн), чтобы этот памфлет не ассоциировался с моей работой в качестве управляющего парижским отделением «Мейл» и второстепенными публикациями.

Разослав книгу приблизительно в сотню газет для рецензий, я приготовился ждать. Ждать пришлось долго. В течение многих недель не появилось ни одного упоминания о выходе книги, если не считать формальных двух-трехстрочных сообщений.

Это было еще хуже судьбы «Трех флагов». Ну, делать нечего.

После такой интерлюдии, которую Нортклифф назвал бы «погоней за бабочкой», я попытался примирить себя с мыслью о том, чтобы в будущем ограничиться работой в «Мейл», связать свою судьбу с организацией Нортклиффа, заработать побольше денег, купить парусную яхту побольше и получше и проводить время настолько весело, насколько это возможно, пока Европа не разнесла себя на куски.

Однако в качестве прощального жеста я разослал экземпляры книги двум или трем сотням избранных общественных деятелей в Британии, во Франции и в Германии. (Поскольку книга явно осталась бы нераспроданной, я мог рассылать ее совершенно свободно и кому угодно.)

Вначале ничего не происходило. Но спустя примерно три месяца что-то начало меняться. На завтраке с несколькими коллегами-газетчиками, по большей части иностранными корреспондентами, один из них небрежно обратился к другому, не зная о моей прикосновенности к этому предмету: «Вы видели книгу “Европейская оптическая иллюзия”? Вечером на дипломатическом ужине о ней говорили несколько человек и прочили ей большое будущее. Я никогда о ней не слышал». Тогда я написал редактору «Нейшн» Массингхэму, с которым был немного знаком, и попросил его взглянуть на книгу, предложив ему либо согласиться с тем, что это полный вздор, либо что она очень важна. Если решишь, что это вздор, так и скажи. Если она важна, так и скажи.

Результатом стал двухстраничная рецензия, написанная, как я полагаю, Х. Н. Брейлсфордом. Я разослал ее двум десяткам журналистов. Через несколько месяцев рецензии стали появляться десятками и сотнями, не только в Британии, США и Франции, но и в Германии. За восемнадцать месяцев с первого появления книги она была переведена и опубликована на французском, немецком, итальянском,

испанском, голландском, норвежском, датском, шведском, русском, польском, финском, румынском, болгарском, чешском, арабском, турецком, японском и на нескольких языках Индии.

Один из журналистов так описывает эту историю: «В начале 1909 г. в книжный мир тихо впорхнул небольшой памфлет объемом около ста страниц. Он вышел под невразумительным названием в заштатном издательстве. Посвященный самой банальной теме на свете, он появился на рынке в разгар книжного сезона буквально накануне всеобщих выборов. Любой из тех, кто хоть немного знаком с конъюнктурой книжной торговли, сказал бы, что памфлет не проживет и пяти минут, и нет такого чуда, которое могло бы спасти бы его от мертворожденности. Так вот, через три месяца дополнительные тиражи исчислялись десятками тысяч, поднятая в нем тема заполнила страницы английской и американской прессы, имя его автора упоминалось в кабинете министров, посол Германии в Лондоне сделал его текст дипломатическим сообщением, а король дарил экземпляры книги своим министрам... Причина? Просто... автор, мистер Энджелл, на сотне с небольшим страниц подверг суровой критике аксиомы современной политической мудрости. Это огромное достижение неизвестного автора – проделать все это на сотне страниц; тем не менее это ему удалось. Мистер Энджелл заставил всех честных мыслителей принять новый образ мыш-

ления по всей проблеме войны»⁴.

Книга выдержала множество изданий, одно из которых появилось аж в конце 1933 г. В 1938 г., почти через 30 лет после своего первого появления, она вышла в серии издательства *Penguin* в сокращенном варианте. Это издание разошлось тиражом около четверти миллиона экземпляров.

В своей «Истории царствования короля Георга Пятого» («History of the Reign of King George the Fifth») Д. Г. Сомервелл замечает, что «на простых людей огромное впечатление произвела „Великая иллюзия“ Норманна Энджелла... наиболее широко читаемое и самое убедительное руководство по пацифизму. Ее прочел даже король Эдуард VII, а он редко читал то, что не было официальным или забавным». Однако историк добавляет: «Нечасто книгу так много обсуждали и так мало понимали», и затем пишет о странном искажении, о котором речь пойдет ниже, составляющем, как я считаю, самое удивительное и, вероятно, многое объясняющее в этой истории.

Выше я предложил, что, извлекая уроки из этого опыта, следует четко разграничивать издательский успех и политический провал. Если бы «Великая иллюзия» вообще не дошла до публики, не достигнув значительного объема продаж, то ее история не представляла бы интереса для тех, кто стремится достучаться до общественного разума с помощью разумной аргументации. Ее можно было бы отклонить на том

⁴ Tighe Hopkins, *Daily Chronicle*, 11 Feb. 1910.

простом основании, что ее послыл, не важно хороший или дурной, не был услышан, а потому не позволяет судить, насколько она разумна и последовательна. Однако книга вызвала дискуссию по всей Европе и Америке. Х. Н. Брейлсфорд писал, что «до того как Энджелл приковал внимание континентальной Европы к своей “Великой иллюзии”... заставив выслушать свои неопровержимые выкладки... он сомневался, написал ли кто-нибудь со времен Пейна и Коббетта памфлет, сравнимый по силе и вдохновению с работами этих авторов... Люди внимали ему, затаив дыхание». И все же аргументы [этой книги] потерпели провал в попытке повлиять на политику в сколько-нибудь заметной степени. Более того, они потерпели провал и в еще одном смысле: в ходе общественной дискуссии сформулированные в ней аргументы были искажены до такой степени, что некоторые из ее основных идей оказались поставлены с ног на голову и истолкованы как защита политики, прямо противоположной той, на отстаивание которой они были направлены. Это указывает на некую коренную ошибку в подаче материала, несмотря на то что книгу горячо, а порой и преувеличенно хвалили за ясность и прозрачность.

Как уже говорилось, я втянулся в эту работу, поскольку был убежден (буквально до грани хронической бессонницы), что мы – Британия, Европа и, вероятно, большая часть мира – неудержимо движемся к войне, и избежать ее можно лишь посредством переговоров. Эти переговоры могли быть

успешными лишь при условии, что мы пришли бы к ним с запасом идей, отличных от тех, что и вызвали сползание к войне. Именно в таком настроении и исходя из таких побуждений была написана эта книга. А в результате мы имеем следующее: возможно, 70–80 % тех, кто слышал о ней (но не читал) считает, что автор пытается показать, что война стала «невозможной», и либо ее остановят банкиры, либо иссякнут деньги. Полагаю, что из всех упоминаний об этой книге, которые я получаю до сих пор, половина описаний составлена в этом ключе. Типичная ссылка на нее из тех, что все еще появляются, содержится в ноябрьском (1950 г.) обзоре работ по иностранным инвестициям в серьезном ежемесячнике⁵. «В 1908 г., – начинает рецензент, – в Англии появилась книга, которую широко читали не только в англоговорящих странах, но и по всему цивилизованному миру. Книга называлась “Великая иллюзия”, и... тезис этой книги, получивший широкое признание, состоял в том, что развязывание большой войны в те дни стало невозможным ввиду сложности и тесного переплетения международных финансов, промышленности и торговли, что заставляет участников этих операций во всех цивилизованных странах осознавать бесплодные и разрушительные последствия войны. Эта теория, получившая широкое распространение, была сметена вспышкой Первой мировой войны». Затем рецензент обсуждает – и отвергает – «опровергнутую теорию Нормана Эн-

⁵ *Cresset*, Minneapolis.

джелла».

Среди множества других вырезок мне попала на глаза вот эта – письмо в «Ньюкасл джорнэл» от 12 февраля 1947 г.: «Сэр Норман Энджелл, автор книги “Великая иллюзия”, столь широко обсуждавшейся, столь радушно принятой и так хорошо продававшейся, который до 1914 г. ничтоже сумняшеся утверждал, что банкиры не допустят войны, потому что она потребует огромных затрат и будет сопровождаться невиданным растранижением богатства, теперь должен написать другую “Великую иллюзию”? Она, разумеется, должна быть посвящена всем избирателям, проголосовавшим за лейбористское правительство!»

За сорок лет через британские и зарубежные бюро газетных вырезок, а также через другие каналы, до меня дошли буквально тысячи подобных упоминаний. Еще одно из недавних упоминаний представляет собой сообщение о предостережении студентам от президента одного из американских университетов относительно «привлекательных заблуждений Норманна Энджелла, который полагает, что войн больше быть не может».

Рассмотрим письмо, процитированное выше. Читатель, написавший в газету спустя почти сорок лет после выхода обсуждаемой книги, поделился впечатлениями своего времени от посылы этой книги, тем самым засвидетельствовав, что этот посыл был полностью извращен, и чистым результатом сорока лет широких продаж и активного обсуждения

стало укрепление того самого мнения, разрушение которого и являлось целью книги. Здесь мы, несомненно, имеем дело с удивительным результатом, из которого можно извлечь определенную мораль.

Начать с простого факта, что в книге нет ничего – ни единого слова – ни о том, что война стала «невозможной», ни о том, что иссякнут деньги, ни о том, что война окончится, потому что ее остановят банкиры. Вряд ли кто-нибудь из читавших эту книгу способен подумать, что таков ее смысл. Из сотен рецензий того времени ни одна не содержит подобного вздора. На самом деле, внутренняя логика самого тезиса должна была бы сразу же разрушить эту легенду. Если бы автор в самом деле предполагал, что война невозможна, то зачем ему вообще беспокоиться – бросать карьеру, на nive которой он добился немалого материального успеха, и ввязываться в неприятную и неблагодарную агитацию, чтобы предотвратить нечто такое, чего, по его мнению, никогда не произойдет? Тем не менее, при том что, насколько мне известно, ни один рецензент никогда не писал, что об этом говорится в книге, и никто их прочитавших ее, не считает, что автор говорил нечто подобное, именно эта легенда оказалась наиболее несокрушимой из всех впечатлений, произведенных книгой на тех людей, которые действительно имеют значение, то есть на безымянные массы, принимающие или отвергающие ту или иную политику, на тех, кто создает и свергает правительства и кто редко читает книги.

Раз возникнув, легенда оказалась несокрушимой. За несколько лет до первой войны я и сам обнаружил, что пишу в «Дейли мейл» (к примеру, 15 сентября 1911 г.) в том смысле, что на фоне широко распространенного в ту пору незнания конкретных фактов я предчувствую весьма вероятное приближение войны (не говоря уж о том, чтобы считать войну «невозможной»). Типичным видом протеста с моей стороны было письмо в (лондонскую) «Сатердей ревью» (от 8 марта 1913 г.): «Вы крайне любезны, сказав, что я “один из немногих защитников мира любой ценой, кто не является абсолютным ослом”. И тем не менее вы заявляете, что на мне лежала миссия “убедить народ Германии в том, что в XX столетии война стала невозможна”. Чтобы пытаться учить кого-нибудь такой, простите, чепухе, нужно быть совершенным и явным ослом. Разумеется, я, насколько мне известно, никогда никому не говорил о том, что война невозможна. Лично я считаю войну не только возможной, но и весьма вероятной».

Полагаю, что в общей сложности я написал несколько сотен подобных опровержений – без всякого видимого эффекта.

Автору, наблюдающему, как «произнесенную им истину скручивают в силок для дураков», легко списать все на ту-пость равнодушных масс, которые стремятся только к одному – избавиться себя от необходимости приноравливаться к изменившейся идее и поэтому ухватившихся за «спаситель-

ный обман». (Объявив новую идею смехотворной, нет нужды обдумывать ее.) Все это, быть может, и верно. Но я-то намеревался преподнести определенные политические истины так, чтобы прорваться сквозь путаницу массового сознания. Этот барьер нужно было преодолеть с самого начала. Однако сделать это не удалось. Чем же объясняется неудача?

Если на этот вопрос следует дать ответ и если этот мой опыт должен пролить свет на то, каким образом можно вызвать изменение политических идей (что и является нашей основной проблемой сегодня), то эту историю не следует сводить к одной лишь неудаче. Успех тоже кое-чему может нас научить.

Наряду с распространением этого мифа среди публики, не читающей книг, существовал огромный интерес, выказываемый теми, кто все-таки читал книги. Этот интерес породил «движение», описываемое в следующей главе, и – как только стали понятны итоги войны – к широкому признанию того факта, что события подтвердили идеи, содержащиеся в книге.

В 1920 г. «Дейли ньюс» (номер от 25 февраля), критически оценивая послевоенную ситуацию, замечает, что «после пяти с половиной лет забвения мистер Норман Энджелл вернулся... Его книга спровоцировала одну из величайших дискуссий нашего поколения. Нравится ему это или нет, но сегодня он – пророк, чьи пророчества осуществились... Едва ли можно развернуть свежую газету без того, чтобы не заце-

питься взглядом за какое-либо новое подтверждение некогда презираемой и отвергаемой доктрины норман-энджеллизма». Главный редактор «Дейли ньюс» А. Г. Гардинер писал: «Это больше чем книга. Это часть грандиозного исторического эпизода, пережитого современным поколением, и все, что случилось со времени ее первого появления, послужило подтверждением ее тезиса и сделало ее одним из величайших документов истории».

Это было в том же 1920 г., когда я написал «Плоды победы: продолжение “Великой иллюзии”» («The Fruits of Victory: A Sequel to ‘The Great Illusion’»). После ее выхода Кейнс написал мне, что он считает ее «великолепной и, прочтя ее с величайшим удовольствием, полностью согласен [с ее идеями]. Я так рад, что после долгого периода написания мелких брошюр из-под вашего пера вышло действительно важное произведение, которое долго не утратит своей ценности. Как некомпетентны эти чертовы рецензенты!

Те рецензии, что я видел, чудовищно несправедливы к «Плодам». Но я ожидаю, что публика будет более разборчива. В этой книге мне действительно нечего критиковать, но я хочу сказать вам, что она чрезвычайно мне понравилась», — и далее он указывает на отрывки, которые ему особенно понравились. Спустя несколько лет, когда я начал воевать с «политикой умиротворения», проводимой британским правительством, он написал статью в «Нейшн», и в таких же теплых словах поддержал мою позицию. До войны, впервые

встретившись с ним в Кембридже, я полагал, что подобно более ортодоксальным экономистам он скептически отнесся к моему прогнозу в «Великой иллюзии» о том, что сразу после всеобщей европейской войны победитель не сможет получить компенсацию, соразмерную военным расходам. Но за два послевоенных десятилетия общее отношение экономистов к моей позиции радикально изменилось. Так, Лайонел Роббинс (профессор экономики Лондонского университета) несколькими годами позже в своей книге «Экономическое планирование и международный порядок» («Economic Planning and International Order») замечает, что мои «различные работы, хотя и не адресованные в первую очередь профессиональным экономистам, открывают новую эру в дискуссии по этим проблемам», и упоминает «This Have and Have Not Business» как «восхитительное изложение его фундаментальной позиции».

В кругах не столь академических, но, вероятно, более приближенных к повседневному миру финансов и политики, признание пошло даже дальше и порой приходило раньше. За несколько месяцев до вспышки первой войны (точнее говоря, 27 марта 1914 г.) выступая в Сорбонне, лорд Эшер, председатель комиссии по имперской обороне, рассказал французской аудитории, что у него была возможность присутствовать на весьма конфиденциальных слушаниях, где обсуждались проблемы экономических последствий начала европейской войны, в которую мы можем оказаться втянуты,

на производство, торговлю и финансы. Слушания продолжались несколько месяцев, а для дачи показаний перед теми, чьей обязанностью было сделать выводы и доложить их, было приглашено большое число наиболее богатых и влиятельных бизнесменов из разных городов Великобритании. Он добавил: «Я уверен, что из этих высокопоставленных свидетелей мало кто читал эту книгу (если таковые вообще найдутся), но каким-то таинственным образом в их умах работал вирус Нормана Энджелла: один за другим эти магнаты торговли и финансов подтверждали доктрины “Великой иллюзии” своими опасениями и ожиданиями».

* * *

Таким образом, можно сказать, что книга в самом деле имела некоторый успех в изменении идей тех, кто обычно составляет весьма незначительное меньшинство, интересующееся более фундаментальными политическими вопросами, и, возможно, несколько увеличила численность этого самого меньшинства. Но основная, неполитизированная масса, которая почти не проявляет интереса к фундаментальным политическим вопросам или неспособна заниматься ими, оставалась чрезвычайно уязвимой для путаницы, ошибок, заблуждений, которые обсуждались в книге. Различие между двумя этими группами состоит не в «образованности» в обычном смысле. Зачастую «образованные» и социально,

и политически столь же, а порой и более невосприимчивы, как и «необразованные», что полностью доказали «образованные» немцы при Гитлере и эрудированные марксисты, основавшие Российское государство (а также их коллеги в коммунистических партиях Запада).

Просматривая сообщения о лекциях, вспоминая ответы на вопросы, задаваемые на этих лекциях, перечитывая письма от критиков или протесты, с которыми я в те времена обращался к людям вроде президента университета, рассказавшего студентам о «заблуждении Энджелла о том, что война невозможна», я был поражен тем, насколько этот спор в целом связан с огромной проблемой, стоящей перед нами сейчас, в середине XX столетия, – с формированием достаточно обоснованных суждений о международных отношениях, с тем чтобы сделать потенциальную мощь западного мира орудием мира, а не войны. По этой причине, а также потому, что эта проблема требует того же рода дебатов, который и был главным занятием моей жизни, я свел воедино множество пунктов этой дискуссии, чтобы составить общую картину. Вот эта картина.

Энджелл: Я хочу знать, что заставило вас предположить, что какой-либо человек (вне стен сумасшедшего дома), потратив десять минут на оглядывание окружающего мира, напишет черным по белому, что «война невозможна», или, что, рассуждая таким образом, он начнет пытаться предотвратить некое событие, которое, по его убеждению, не может

произойти.

Критик: Но послушайте. Я понимаю, что ваш тезис состоял в том, что война не окупается, и что победа сама по себе экономически разорительна. Если ни один противник не получает преимуществ от победы, которая разорит его, с чего бы ему ввязываться в такое невыгодное предприятие? Разумеется, следует заключить, что он не станет нападать, и что с войной покончено.

Энджелл: Это вовсе не мой вывод, как я и настаивал столь решительно и неоднократно в почти всех написанных мною работах. Вы в самом деле уверены, что люди руководствуются лишь разумными суждениями? Факты определяют человеческое поведение лишь тогда, когда люди воспринимают их как факты.

Критик: Так вы полагали, что если убедить людей в том, что война не окупается, они прекратят воевать? Должно быть вы отводите экономическому мотиву куда больше места, чем я.

Энджелл: Напротив, я отвожу мало места экономическим мотивам как таковым. И хотя я не считаю, что люди воюют из-за выгоды в том смысле, который вкладывает в это слово биржевой маклер, я совершенно уверен, что люди не смогут жить в мире, если не рассеять обсуждаемые мной экономические заблуждения. Экономическая проблема, которая затрагивает средства к жизни миллионов людей, перестает быть чисто экономической проблемой: она становится

ся серьезной моральной проблемой, проблемой национальной справедливости. Почти всеобщее мнение первого десятилетия века состояло в том, что страна, находящаяся в положении Германии, должна «расширяться», чтобы обеспечить средства к жизни своего народа. Две стороны, исповедующие подобные убеждения, смогут достичь согласия не раньше, чем два каннибала, один из которых говорит: «Ясно, что либо я должен съесть тебя, либо ты должен съесть меня. Давай заключим об этом дружественное соглашение». Они не придут к дружественному соглашению до тех пор, пока будут придерживаться таких убеждений. Они будут драться. В тот период я поставил перед собой задачу продемонстрировать двум соперникам, что битва между ними не нужна и неуместна: у них достаточно пищи для обоих, если только один встанет на плечи другого, чтобы добыть спелые кокосы, которых им не достать поодиночке. Пока эта истина не восторжествует, все попытки миротворчества будут обречены на неудачу. Они и провалились. Скрытые допущения нанесли столько ущерба международным отношениям, что сделали невозможной разумное обсуждение этих проблем. Все это, между прочим, цитаты из моих книг.

Критик: Прелестная притча, но она не имеет отношения к нашей ситуации.

Энджелл: Вас втянули в конфликт, который стал результатом неумения других наций жить вместе, мирно, из-за путаницы, в особенности из-за путаницы экономической, ко-

торуя я пытался распутать.

Критик: Но это не имеет отношения к сегодняшнему дню.

Энджелл: *Circuitspice*⁶. В данный момент, в 1951 г., весь западный мир, и мы все согласны с этим, подвергается смертельному риску потерять свою с таким трудом завоеванную свободу, потому что другая половина мира впала в грубое экономическое заблуждение, превратившееся в новую религию. Адепты этой религии умирают в Корее и в других местах с фанатическим героизмом воинов Магомета в священной войне. Эта угроза, эта перспектива ужасов, описанная Кестлером и Оруэллом, – прямой результат приверженности экономическому заблуждению.

Критик: Позиция России есть результат второй войны, которая произошла из-за того, что европейские союзники заключили плохой мир. Версаль привел к еще более худшему противоречию. Британия с населением в 50 млн человек владела почти четвертью мира, в то время как Германии с ее 80 млн осталась всего с одной-единственной колонией. Разве вы не считаете, что мировые ресурсы следовало распределить более справедливо?

Энджелл: Мне представляется, что для человека, который начал с отрицания идеи об экономике как одной из причин войны, вы приписываете экономике слишком многое. Но это экономика Алисы в Стране Чудес. Я не согласен с объяснением Линдберга, согласно которому война началась отто-

⁶ Оглянитесь (*лат.*). – Прим. перев.

го, что Британия владела слишком большой частью земли, а Германия слишком маленькой, потому что бессмысленны сами слова, которые он использует. Британия вовсе не «владеет» своей империей, и не «владела» ею даже во времена британского владычества над Индией.

Критик: Вы серьезно говорите о том, что, когда страна аннексирует территорию, то этот факт ничего не добавляет к ее богатству? Точно так же можно сказать, что, когда умирает моя богатая тетушка и оставляет мне усадьбу на Лонг-Айленде, я не становлюсь богаче.

Энджелл: Когда страна аннексирует провинцию, как было, когда Германия аннексировала Эльзас и когда Франция вернула его обратно, происходит смена правительства, которое может быть хорошим, плохим или никаким. Но при этом не происходит никакой передачи собственности от одной группы собственников к другой: дома, сады, поля, мебель после аннексии остаются в тех же руках, что и до нее. Тезис Линдберга свидетельствует о грубой путанице между понятиями «владение» и «правление». Британия правила Индией, но не владела ею.

Критик: Но, разумеется, благодаря правлению в Индии с ее четырьмястами миллионами населения, существовали огромные преимущества для [британских] промышленников, инвесторов, финансистов?

Энджелл: Хорошо, просто рассмотрите конкретные факты, поддающиеся проверке. В течение всего XIX столетия

британская торговля и инвестиции в Северной и Южной Америках, которыми она не «владела» в вашем смысле слова, были куда больше, чем в Индии, которой она «владела». Когда Британия в XVIII в. «потеряла» свои американские колонии, ее торговля и инвестиции в них не прекратились, а стали намного больше.

Критик: Итак, вы полагаете, что империя была чистым убытком, тяжким бременем? Что ж, исцелиться просто. Избавьтесь от ее остатков.

Энджелл: Империя не обязательно всегда является тяжким бременем. Трагическая путаница, искажающая этот предмет, состоит в том, что либералы и прогрессисты, похоже, столь заморожены картиной империи как орудия капиталистического угнетения и эксплуатации (которым она, строго говоря, не является), что мы не в состоянии постичь причины возникновения империи и в чем состоит альтернатива, которую нам следует попытаться найти. В XIX столетии империя зачастую была средством обеспечить необходимое международное правление на огромных пространствах, где такого правления не существовало. Для британской торговли отнюдь не требовалось устанавливать британское правление в Индии, что доказывается тем фактом, что британская торговля процветала там на протяжении 150 лет до завоевания страны, а старая Ост-индская компания неоднократно приказывала своим служащим избегать политического вмешательства. Британское правительство взяло власть в свои

руки лишь тогда, когда стали нарастать беспорядок и хаос, и возникло опасение, что если Франция, заполнив вакуум, захватит ресурсы Индии и сделает их элементом продолжающейся мировой борьбы, европейский баланс сил окажется нарушен.

Если бы Британия потерпела поражение в Индии, она, вероятно, потерпела бы поражение в Канаде и долине Огайо, а французская империя простерлась бы от реки Св. Лаврентия до Миссисипи, и существование США в том виде, как мы их знаем сегодня, стало бы невозможным. Верно, что в XVIII в. сыграла определенную роль схватка за власть, торговлю и монопольные привилегии. Но, когда эта борьба завершилась изгнанием Франции и Испании с территорий, на которых сегодня располагаются США, и в результате возникла единая 150-миллионная нация, а не множество отдельных независимых государств по образцу Латинской Америки, то для западной цивилизации это имеет гораздо большее значение, чем простое обогащение некоторого числа капиталистов. И в любом случае тип империи XVIII в. радикально отличается от того, что представляло собой Британское Содружество в XIX в. Если бы такое Содружество не существовало в 1940 г., после падения Франции, если бы не было британских Гибралтара и Мальты, если бы не было ни войск в Египте, чтобы встретить Роммеля, ни защиты Суэцкого канала, то Гитлер выиграл бы Вторую мировую войну. Британская империя имела недостатки, которые были столь же велики,

как недостатки Римской империи. Но когда эта последняя распалась на части, лучше от этого не стало, зато наступили «темные века». Вполне возможно, что нечто подобное произойдет вслед за распадом Британской империи, если нам не хватит мудрости создать альтернативный инструмент порядка и правления, который выполнит эту работу лучше.

Вот так сорок лет шли дебаты о брошюре. Я обнаружил, что мне приходилось сражаться на нескольких фронтах и прежде всего против наиболее реакционных консерваторов-националистов, которые отказывались видеть любую проблему, кроме злодеяний немцев. «Причина войны – немцы», – писал лорд Кромер. Но я должен тут же заметить, что в конечном счете гораздо больше вреда делу построения миролюбивого порядка на Земле причинили те, кто настаивал, что причина войны – капитализм, а единственная панацея – мировой социализм. Третьим фронтом были пацифисты – те, кто полагал, что вооружения и сила сами по себе являются причиной войны, и что правительство без власти принесет нам мир.

Отношение консерваторов было глубоко фаталистическим. В самом деле, для большинства людей этого поколения война была как погода или землетрясение: она наступала или не наступала, независимо от людской воли. И было тщетно доказывать, что хотя люди не делают погоду, но именно они развязывают войны.

Более искушенные, подобные Беллоку, Честертону, Йит-

су-Брауну, подкрепляли это отношение своими утверждениями о том, что я проповедую пацифизм в его современном смысле, как непротивление. Они отказывались проводить различия между интернационализмом и непротивленческим пацифизмом квакерского типа. Беллок утверждал, что всю проблему выражает его собственное двустишие:

Эбenezер-слабак думал, что драка – зло,

А Ревущий Билл (который кокнул его), думал, что благо.

Что бы ни означало это двустишие, оно не является ответом ни на один из моих доводов, а они всегда состояли в том, что ревущие Биллы несут нам угрозу до тех пор, пока мы не объединим усилия с тем чтобы обуздать их, – обуздать, главным образом, встав на защиту их жертв. С самого начала я принял тот факт, что общество – включая сообщество наций – должно защищать своих членов от насилия, что они не могут защитить себя по отдельности и что единственно действенная защита состоит в коллективной безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.